

Владимир Сорокин: «Японская культура прежде всего учит нас созерцательности»

Писатель Владимир Сорокин рассказал нам о своем пребывании в Японии, о том, что для него значат японская культура и японский образ жизни...

Беседу вел Мотоюки Исидза

Что, по-Вашему, многовековая японская культура внесла в общемировую культурную копилку?

Мировую культуру невозможно представить без японской составляющей. От классической японской поэзии и философии дзен до современных японских анимационных фильмов и манга – целый мир, где много всего. Мне кажется, что такое широкое культурно-стилевое понятие, как минимализм, – во многом следствие японского влияния. Минималистическое изобразительное искусство 60-х, минималистическая поэзия, минимализм в дизайне и моде, минимализм в интернациональной кухне – все это следствие этого влияния. Даже в русской поэзии. Например, в 60-70-е годы был такой московский поэт Всеволод Некрасов, писавший минималистические стихи, которые отказывались печатать в советских журналах, мотивируя тем, что это «не русские стихи». Редакторы литературных журналов прямо говорили ему: «Ты что, японец?» Этот мощный поэт навсегда остался в андеграунде. Выражение «японский стиль» понятно для всех – и для художников, и для дизайнеров одежды. Простой, не сильно обремененный культурой человек, если видит что-то изящно-лаконичное, может пробормотать: «Да это же что-то японское...»

А какой «меседж» она посылает лично Вам как писателю?

Японская культура прежде всего учит нас созерцательности. Созерцая, мы становимся внимательными к природе и вещам, нас окружающим, к нашему жилищу.

Планируете ли Вы в своем творчестве обращаться к японским образам, жанрам, традициям? Хотели бы Вы когда-нибудь написать роман, действие которого происходит в Японии?

В книге «Пир» у меня есть рассказ, где действуют японские персонажи. Когда я жил в Токио, я начал писать одну большую историю, связанную с этим городом. Начиналась она на Синдзюку-дори в баре, где наш эмигрант сидит за стаканом с коктейлем и смотрит в окно на вечерний город. Но потом я отложил этот сюжет, и он до сих пор висит в воздухе. Наверное, чтобы продолжить, мне надо опять приехать в Токио, я там не был более десяти лет.

Какие наиболее перспективные направления Вы выделяете для себя в японском кино, в литературе, живописи? К примеру, за последние 50 лет.

О живописи ничего не могу сказать. В литературе, по моему, важны были 60–70-е годы. Они дали миру це-

люю плеяду замечательных писателей: Кавабата, Мисима, Кобо Абэ, Кендзабуро Оэ. Японские писатели того времени внесли свой существенный вклад в традицию экзистенциализма. Японская проза – чувствительная, а часто – мучительная, ставящая перед читателем вечные вопросы человеческого бытия. В ней есть та доля беспощадности к читателю, которая мне очень близка. Она заставляет страдать и сострадать. Поэтому японским прозаикам так близок Достоевский. Японское кино – мощное явление. Куросава – один из моих любимых режиссеров. Я обожаю его экранизацию «Идиота» Достоевского. В этом фильме один из главных героев – снег. Куросава почувствовал, насколько важен снег в русской жизни, понял и осознал, что это не только декорация. Я люблю пересматривать этот фильм, когда выпадает первый снег.

Вы около двух лет преподавали русский язык и литературу в японском университете. Вы могли бы нарисовать портрет японского студента, изучающего русский? Это романтик, прагматик, любитель экзотики, культуры? Понятно, что есть разные, и все-таки?

Были и романтики, и прагматики, но, похоже, их объединяло одно – тяга к новым пространствам, к бесконечной русской географии. Размеры России связаны

с ее языком, поэтому каждый, кто изучает русский, вольно или невольно отождествляет себя с гигантскими просторами этой страны, с ее расстояниями. Студентов эти просторы пугают и притягивают одновременно. По сравнению с маленькой и окультуренной Японией Россия кажется огромной страной Хаоса.

Что больше всего привлекало или удивляло Ваших японских студентов в русской литературе, в языке?

В языке самое большое удивление у студентов вызывало произнесение букв «д», «ж», «р» и «л». Я приложил немало сил, чтобы мои студенты перестали говорить «что желать?» вместо «что делать?» или «рюбовь» вместо «любовь». Но пришлось сильно потрудиться и мне, и им.

Что касается русской литературы – ее в Японии любят давно, и не только студенты. Поэтому для студентов встреча с русской литературой не была неожиданной, они были знакомы с ней и раньше. Я лишь старался, чтобы наши занятия не стали для них рутинной, и воплотил в жизнь свой принцип «русская литература – не храм, а мастерская».

В чем, по-Вашему, различие менталитетов наших двух стран, а в чем мы близки? Могут ли наши

*Японская проза – чувствительная,
а часто – мучительная, ставящая
перед читателем вечные вопросы
человеческого бытия.*

государства учиться друг у друга, например, патриотизму, уважению к личности или свободе, отношению к старшим?

Думаю, русским стоит поучиться у японцев внимательному отношению к природе, вежливости и понятию общественного долга. А японцам у русских можно поучиться умению иронично относиться ко многим серьезным вещам. И в первую очередь – к себе самому.

В одном из своих эссе Вы пишете, что отличительная особенность японской толпы – ее неагрессивность. Считаете ли Вы это национальной особенностью Японии? Что для Вас прежде всего японский образ жизни?

Да, толпа в Японии очень приятная, даже в час пик! Люди неагрессивны, хотя они очень устают на работе и мало спят дома. И это удивляет и восхищает меня, что человек в любом положении делает над собой усилие, бормочет: «Извините!», – если кого-то невольно заденет. За два года пребывания в Токио я много поездил в метро в час пик, но никогда не видел ни одной ссоры. Могу сказать, что вежливость и терпеливость – национальные черты японцев.

Вы как-то сказали, что японская кухня повлияла на Ваши кулинарные вкусы. Не могли бы

Вы поподробнее рассказать, что Вас в ней привлекает?

Я обожаю японскую кухню. Могу смело утверждать, что это самая изысканная и полезная кухня в мире. Мы с женой раза два в месяц обязательно заходим в японские рестораны. В Москве довольно прилично научились готовить японскую еду. Японская кухня – целый материк. При всей своей сложности японская кухня прозрачна: ты видишь и понимаешь, что ты ешь. Есть множество изысканнейших блюд. Но и простые закуские прекрасны: например, где делают только собу из гречневой муки. В Токио я также любил ходить в кайтен-суси, это забываемо. Есть блюда, которые можно попробовать только в Японии. Даже такие простые, например, как онигири или нато. В Москве этого не найдешь, к сожалению. Я так любил в парке Уэно купить коробочку с онигири, сесть на лавку и закусить, глядя на прекрасные деревья. Или начать утро с порции нато. Еще любил ходить в закуские в огромных универмагах, вроде Isetan или Seiyu. Там подают обенто на деревянном подносе, такой приятный, уютный наборчик: мисо суп, рис, темпура, омлет с креветкой в узком керамическом стаканчике, салатик из редьки. Я любил попросить вторую порцию риса. Это всегда радовало официанток. 🍣

